

Жить просто или просто жить? (Уроки святого Франциска)

"Doctor seraphicus" - "любвеобильный доктор". А может быть, просто влюбленный? Но во что? В кого? В живое... Во все как в живое. В каждое божие творение.

Франциск из Ассизи (XII век) только и делает, что освобождает жизнь от якобы жизни. И даже не освобождает, а вот так и живет - богу и природе угодной жизнью.

Жизнь как чудо; как личное воление-игра. Естественное как сверхъестественное.

У Франциска сразу два учителя: Природа и Иисус Христос, Христос и Природа. Они его учат жить. У этих учителей каждый раз может быть лишь один-единственный ученик. Остальные в этом удивительном классе - на шпаргалках и подсказках. Но и сам... учит жить. Учит жить или просто живет? Живет по любви - тем и учит?

"Вне школ и систем" (Пастернак).

Но... забегаю вперед, а надо бы по порядку.

"...Брат Лев...: - Отец, я прошу тебя во Имя Божие, скажи мне, в чем же совершенная радость..."¹.

И Франциск отвечал ему... Нет-нет! Не ему (ему он ответил словом), а папе Иннокентию III - делом, простодушным человеческим жестом, естественным, как листок на ветру, как роса на этом листке или как воробушек - росинку эту в охрипшее горло...

Что же он там сделал такое?

Средневековый хронист рассказывает: Папа Иннокентий III, выслушав среди кардиналов консистории устав божьего человека Франциска, нечесаного, с длинной бородою, в лохмотьях, с нависшими черными бровями, сказал ему: "Ступай, сын мой, и пощи свиней; с ними у тебя, кажется, более общего, чем с людьми; поваляйся с ними в грязи, передай им твой устав и упражняйся на них в проповедях твоих". Франциск наклонил голову, вышел и, найдя стадо свиней, в точности так и поступил:

¹ Цвоточки святого Франциска Ассизского. М., 1913. С. 28.

стал валяться с ними на земле. Весь в грязи он вернулся и вновь к папе: "Владыко, я исполнил твое приказание; услышь и ты теперь мою мольбу"². Растроганный и огорченный собою, папа выслушал Франциска, человека божьего.

Вопрос - ответ. На слово - дело. В результате целая жизнь, сложенная из таких вот жестов-поступков. Легко сложенная - простодушно, как у юродивого, беззаботно, как у ребенка играющего, внезапно, как у жонглера-эксцентрика, весело, как у вганта-бродяги...

Сквозь текст проступила жизнь, ставши образцом, примером, поучением. Не для всех, конечно. Зато надолго - вот уже восьмое столетие.

Какая-то совершенно новая - внетекстовая - педагогика: учительская, а не ученая; ученическая, а не школярская. А может быть, и не учительская вовсе? Да и педагогика ли? Без зубрежки, без латыни, без выволочки за нерадение, а учит. Учит ли?..

Пробирает до дрожи.

Слеза. Воробушек. Божья роса. Листок на ветру.

К свиньям - и роса божья? Но вовсе странно: Франциск и... учит.

Всмотримся.

Ради Христа...

Христос покаяния и Христос, открывающий своим ученикам обетование о Страшном суде. "Темные века" знали Христа-учителя, учившего прежде всего этому. Но... Христос, радующийся в Кане Галилейской и заповедующий подражать лилиям и птицам небесным. Именно у этого Христа учится ассизский святой. Следует ему. И все это на фоне ожидания европейским человечеством Христа - грозного судии в тревожные предфранцисканские времена.

Но (еще раз): Христос, протягивающий ученикам новозаветные хлеб и вино, что в одной его руке, а другой рукою обрекающий на вечные муки тех, кто осужден.

А таинства меж тем поверяются разумом: свидетельства Христа о себе, явленные в природе и в людях, слабо приемлются. И вот уже Антихрист почти что здесь, а Христос едва ли вне мира. Такие дела...

Начинается новый урок: Христа - Франциску; Франциска - миру; Христа через Франциска, как и двенадцать столетий назад, - всем, всем, всем... Только теперь уже через Франциска - ученика и учителя купно, бескнижного действующателя. Тринадцатый уче-

² Цит. по: Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991. С. 28.

ник Христа, но только из XII века: именно Христа, представленного во всей своей полноте в Евангелии, но и в природе. Личный ученик Учителя: здесь и теперь; в сей и в каждый последующий миг. Ученик - со-мученик Учителя. Со-мучение, но и со-радование Учителю. Со-радование, и это, конечно, в переую очередь. А потом и со-мучение, внешне засвидетельствованное в кровоточащих крестных ранах-стигматах Франциска из Ассизи. Взаимолюбие?

Больше, чем просто учитель. Больше, чем просто ученик. Любимый и родной. Учитель. Такой же, - хотел бы верить этот ученик, - и ученик, родной и тоже любимый.

Радостная Христова школа. Учение в радость.

Меньшие братья так говорили тем, кто хотел учиться: "Мы - скоморохи Господни и в награду за это мы хотим от вас, чтобы вы предались истинному покаянию"³. И Франциск к сему прибавлял: "Что же такое слуги Господа, как не скоморохи Его, которые должны растрогать сердца людские и подвигнуть к радости духовной?"⁴.

Это была "школа" со-мучения и со-радования. И первым успехом ее, этой школы, в лице ее учеников, было восстановление поколебленных таинств: евхаристия - живое свидетельство продолжающейся земной жизни Учителя, постигаемого не столько через слово, сколько через прямое (именно прямое!) общение с ним. (Не потому ли жизненный жест - к свиньям по приказанию папы - как бы ответ на вопрос о том, что такое совершенная радость; внетекстовый, внесловесный ответ?).

И при всем при том - земная насущная школа. Учителя любят и уважают как сына человеческого, но и боятся как божьего сына ("Приветствие добродетелям" Франциска). А залогом земности, настоящести этой школы было ощущение Христа-учителя всеми этими любознательнейшими, готовыми к немедленному поступку во имя, учениками, главный из которых - Франциск (он же и учитель).

По жизни Христа следует лично, собственным волевым усилием, прожить свою жизнь. Я сказал "волевым усилием", а между тем его, этого усилия, не должно видеть, и потому оно само не должно тяготить: легко и просто - играючи. Добровольно, но с ударением на добре - доброй игре. А воля? - Это о другом...

Кажется, прямо противоположный всей книжной учености ход: слово представляется делом (не наоборот!). Слово - в жизнь,

³ Цит. по: Цветочки святого Франциска Ассизского. С. Х.

⁴ Там же.

которую уже потом не преподавать. Но слово научения в "Приветствии добродетелям" Франциска есть точное слово в жизни Иисуса Христа; собственно, сама эта жизнь. Значит, от жизни к жизни. От всецелой жизни, данной Франциском в системе слов о ней (целостном тексте о ней), к жизни-копии, жизни-слепку, зеркальному отражению жизни Христа. Подражание как "школьное" дело жизнесложения. И тогда, конечно, при такой "учено-дидактической" сверхзадаче сложенный из слов текст - вовсе не сумма добродетелей, а свойства живой личности, живого человека, составившие этот стереоскопический, удивительно живой портрет того, кто... Живой миг, миг живой жизни, свидетельствующий о целой жизни. Может быть, даже и... вечной. Потому и текст "Приветствия..." - вовсе уже не текст, а текст-жизнь - сама жизнь Христа (так же, впрочем, как и сам Христос - всё; и в нем - всё: во всей своей всейской совершенной полноте полнящейся вечностью). И значит, и в самом деле - от жизни к жизни. А текст как бы между прочим, так себе: только для того, чтобы как-то сказать. Подражать не учению Иисуса Христа, а самому ему, его жизни, ибо "Я - есмь путь, истина и жизнь"⁵, - говорит о самом себе Христос. Жизнь есть путь. Прожить жизнь - пройти этот путь. Путь подражания, но не точь-в-точь. С творческими различиями, в режиссерском, если можно так выразиться, прочтении. В личном прочтении, ограниченном прежде всего добродетелью смирения. Говорят (в седьмом цветочке): когда Франциск постился в Четыредесятницу и вполне мог обойтись вовсе без пищи, он вкусил-таки хлеба нарочно, - дабы чего доброго не встать вровень с Иисусом по части поста. Подражание подражанием, но до предела, не преступая гордынного отождествления. Рядом, вблизи, но не один к одному.

Таков сценарий этого "учебно-го фильма", сыгранного одним актером, им же и поставленного. Жизнь как разыгранное действо, не отличное от жизни простого, смиренного, любвеобильного и послушливого беднячка (*povertello*) Франциска в подражание еще более простому и смиренному, совсем уже кроткому и полнящемуся любовью нищему Христу.

Сын человеческий (он же сын божий) вновь сошел в мир. И тогда вновь дозволено (больше того: вменено в обязанность) любить людей (каждого в отдельности) и природу (в отдельности каждую тварь божью и даже каждое неодушевленное природное - божье - творение).

⁵ Цит. по: Цветочки святого Франциска Ассизского. С. XIV.

Итак, природа (с людьми уже все ясно) возвращена Христу и потому должна быть возлюблена. Но сначала увидена, узнана в лицо, отмечена и отличена.

"Я новое утро в лицо узнаю" (Пастернак).

Не здесь ли начало любования, внимания, а потом и познающего изучения эмпирических отдельностей естественного мира ради самих этих вещей? Ради них самих. И только ради них.

Собственное свое тело Франциск называет "братом ослом"; добродушно называет, потому что тут же и говорит: "Радуйся, брат тело, ибо отныне я охотно буду исполнять твои желания и поспешу помочь твоим горестям"⁶. Брат тело! Может быть, впервые за XII веков так: брат... Но брат, конечно же, одухотворенный.

Видите, вот уже идет наш Франциск к императору в надежде умолить онго не убивать жаворонков, потому что эта птичка особенно предана Иисусу Христу: "У брата жаворонка шлык как у монаха, и он смиренная птица, потому, что охотно ходит по дороге в поисках хлеба. Летая, он славит Господа очень сладко, как добрые монахи, презирающие земное... Одежда его (крылья) похожа цветом на землю и этим он дает пример монахам, чтобы не носили они расцвеченных и тонких одежд"⁷.

Бедная птичка жаворонок! Нищая и смиренная, потому и христолюбивая. Но здесь жаворонок - еще и учитель; он учит монахов, причем чему надо учить. Добродетельно внешним видом учит.

"Даже к червям он питал любовь, ибо в писании сказано о Спасителе: я есмь червь, а не человек". И он их собирал с дороги и относил в безопасное место, чтобы путники не раздавили их"⁸. Верно: "ибо в писании сказано". Но в писании сказано обо всем, и потому все достойно любви и так: без ссылки на источник. И не только червь, но и камень, ибо в тексте сказано: "На высокий камень вознес ты меня". Что уж тогда говорить про брата Дерево, брата Огонь или брата Солнце.

Но в том-то все дело, что и брат Червяк и брат Солнце - равно братья, потому что равно богоугодны.

И все эти названные братья по-братски же относились и к Франциску.

Пантеизм? - Нет, конечно. Потому что предмет любования для Франциска (по отдельности, понятно) - не бог-природа, а природа в боге. Они для него - "ради Христа", ибо одушевлены богом. Они для него - каждый - бог: во всецелости и единствен-

⁶ Цит. по: Цветочки святого Франциска Ассизского. С. XIV.

⁷ Там же. С. XXIII.

⁸ Там же.

ности, в вечной полноте мгновения. Бог... Но и тварь божья, только начатое быть божье - еще не смышленное - творение.

И он учит их всех: проповедует сестрам ласточкам и братьям цветам, ибо сказано проповедовать "всей твари", потому что Христос "был со зверями".

Мир Франциска шире, но в то же время подробней, конкретней, многообразней. Пафос всматривания - словно естествоиспытательский (в будущем, конечно) пафос.

Вовсе не книжный человек, Франциск лелеет и бережет всякую бумажку с буквами, потому что из букв может быть сложено имя божье. Хвалить бога - дело гордынное, а вот творения божьи - дело другое: потому что все они - тоже Христос.

Серафический "доктор" Франциск "возвестил о продолжающемся еще пребывании Христа в мире", но возвестил неслышанным дотоле умением прожить собственную жизнь в подражание Иисусу Христу как новый ученик Христа, не весть откуда взявшийся на земле спустя чуть ли не двенадцать столетий.

Таковы примерные вешки, кои следовало расставить, дабы как-то вымерить эту поистине безмерную всехристианнейшую аудиторию, в которой - живя - проповедовал людям, птицам и волкам ассизский подвижник Франциск.

"Евангелие от народа".

А что теперь? А теперь вот что.

Почитаем "Цветочки святого Франциска", представляющие собой в слове запечатленную жизнь этого замечательного человека. Но что такое в слове запечатленная жизнь, если это слово сказано двести лет спустя после свершения самой этой жизни - в XIV веке? Жизнь, завершившись, впрочем, и не могла стать словом о ней в синхронном со-бытии с такой именно жизнью, с самого начала чуждой какому бы то ни было слову о ней. Это была жизнь принципиально вне текста, ибо была нечаянно радостной и божественно случайной, как дитя играющее. Но житие о такой жизни, данное в слове (а в чем же еще?), спустя время не только возможно, но и нравственно необходимо. "Цветочки" - это и есть то самое.

Житие - предание - легенда...

"Легендой ставший, как туман" (Есенин).

Собственно, почему "как туман"? Предание как память народа - фантастичней, но зато и концентрированней в статистически надежном правдоподобии, чем мгновенная правда факта; и потому, может быть, истиннее этого одного факта, канувшего в изошедшее во времени небытие, не успевшее стать словом. Но

правда мига - не есть ли это вся правда: на веки вечные во все-ленской повсеместности?!

И все-таки, читая "Цветочки" - это "евангелие от народа", мы читаем не жизнь Франциска и не жизнь-текст, а текст-память об этой жизни. И потому фольклорно-литературную ее версию (хорошо, что фольклорную).

Ну так в путь по этому лужку, на коем произрастают все эти замечательные цветочки, взращенные каждый каким-нибудь совершенно правдивым йга - меньшим братом, лично знавшим своего учителя и потому вполне заслужившим того, чтобы поверить ему, этому брату.

В путь!..

Франциск дает уроки своим ученикам. Три, взятые на случай, урока: два - брату Льву, а один ... губбийскому волку (Брату Волку). (Правда, эти уроки - уроки по слухам, уроки-пересказы, но все-таки... Ибо, как правильно говорят, нет ничего вернее легенды, ставшей сознанием. Ведь в конце концов и жизнь Франциска - тоже житие, отмеченное, однако, особого рода народной достоверностью вполне высокой пробы, ибо свет этой золотой души достоверен - при какой угодно критике источников - на все сто).

Итак, три урока из "Цветочков"⁹ (XIV век, то есть два века спустя после свершения жизни учителя). Или: посмертная история в трех уроках.

Но в уроках ли?

"Брат Волк..."

Цветочек XXI. "Как святой Франциск обратился к Богу свирепейшего губбийского волка".

В ту пору, когда святой Франциск жил в городе Губбио, появился громадный волк, страшный и свирепый, пожиравший не только животных, но даже и людей, так что все горожане пребывали в великом страхе, ибо он много раз подходил к городу, и все выходили из города вооруженные, словно на войну, но даже и с оружием они не могли защитить себя от него, если встречались с ним один на один. И в своем страхе перед этим волком они дошли до того, что никто не осмеливался выходить из города. Ввиду этого святой Франциск, сжалившись над горожанами, решил выйти к этому волку, хотя горожане не советовали ему этого ни под каким видом; и, осенив себя знаменем святого креста, он вышел из города со своими товарищами, возлагая все свое упование на Бога. И, так как другие колебались идти дальше,

⁹ Цветочки святого Франциска Ассизского. XXI. VII. IX.

святой Франциск идет к месту, где засел волк. И вот упомянутый волк, видя много горожан, сошедшихся поглядеть на это чудо, идет с разинутой пастью навстречу святому Франциску, а святой Франциск, приблизившись к нему, осеняет его знамением креста, подзывает его к себе и говорит так: - Поди сюда, брат волк; повелеваю тебе, во имя Христа, не делать зла ни мне, ни кому другому. - Чудно вымолвить! Едва святой Франциск совершил знамение креста, как страшный волк закрыл пасть и прекратил бег, и согласно приказанию подошел кротко, как ягненок, и, пав к ногам святого Франциска, остался лежать. Тогда святой Франциск говорит ему так: - Брат волк, ты причиняешь много вреда в этих местах, ты совершил величайшие преступления, обижал и убивал Божии твари, без Его на то соизволения, и ты не только убиваешь и пожираешь животных, но даже имеешь дерзость убивать людей, созданных по образцу Божию; за это ты достоин адских мучений, как разбойник и худший из убийц; и весь народ кричит и ропщет на тебя, и вся эта страна во вражде с тобой, но я хочу, брат волк, установить мир между тобой и теми людьми, так чтобы ты больше не обижал их, а они бы простили тебе всякую прошлую обиду и чтобы больше не преследовали тебя ни люди, ни собаки. - Когда он произнес эти слова, то волк движениями тела, хвоста и ушей и наклоением головы показал, что он соглашается со словами святого Франциска и готов соблюдать их. Тогда святой Франциск сказал: - Брат волк, с тех пор, как тебе угодно будет заключить и соблюдать этот мир, я обещаю тебе, что ты будешь получать пищу от жителей этой страны постоянно пока ты жив, так что ты не будешь терпеть голода; ведь я хорошо знаю, что все зло ты делал от голода. Но за эту милость я хочу, брат волк, чтобы ты обещал мне, что никогда не причинишь вреда ни человеку, ни животному; обещаешь ты мне это? - И волк наклоением головы ясно показал, что обещает. А святой Франциск говорит: - Брат волк, я хочу, чтобы ты заверил меня в этом обещании, так чтобы я мог вполне положиться на тебя. - И когда святой Франциск протянул руку для заверения, волк поднял переднюю лапу и, как ручной, положил ее на руку святого Франциска, заверяя его таким знаком, каким мог. Тогда сказал святой Франциск: - Брат волк, повелеваю тебе, во имя Иисуса Христа, без всяких сомнений идти со мной, и мы пойдем, заключим этот мир во имя Божие. - И волк послушно, как ручной ягненок, идет с ним; видевшие это горожане сильно дивились этому. И эта новость стала известной по всему городу; и все, большие и малые, мужчины и женщины, юноши и старики: потянулись на площадь, чтобы взглянуть на волка со святым Франциском. И вот, когда

весь народ собрался там, встает святой Франциск и держит перед ними проповедь, говоря, между прочим, о том, какие испытания за грехи допускает Господь, и что гораздо губительнее пламя ада, которое длится вечно для осужденных, нежели бешенство волка, который может погубить одно только тело.

Поэтому как сильно следует бояться пасти ада, раз такая толпа стоит в страхе и трепете перед пастью маленького животного! Итак, дорогие, обратитесь к Богу и принесите достойное покаяние в своих грехах, и Бог избавит вас ныне от волка, а в грядущем от пламени ада. - И, кончив проповедь, сказал святой Франциск: - Слушайте, братья мои: брат волк, который здесь перед вами, обещал мне и заверил меня, что заключит с вами мир и никогда ни в чем не будет обижать вас, если вы обещаете давать ему ежедневно необходимую пищу; я же выступаю поручителем за него в том, что договор о мире он соблюдет ненарушимо. - Тогда весь народ в один голос обещал кормить его всегда. И святой Франциск перед всеми сказал волку: - А ты, брат волк, обещаешься ли им блюсти мир и договор о нем, не обижать ни людей, ни животных, ни другой какой твари? - И волк стал на колени, наклонил голову и кроткими движениями тела, хвоста и ушей показывает, насколько возможно, что он желает всячески соблюдать договор с ними. Сказал святой Франциск: - Брат волк, я хочу, чтобы так же, как раньше, за стенами города, ты заверил меня в своем обещании, так и здесь перед всем народом заверил меня в своем обещании, и что ты не обманешь моего поручительства за тебя. - Тогда волк, подняв правую лапу, положил ее на руку святому Франциску. И вот вследствие этого движения, а также других, упомянутых выше, было такое изумление и радость во всем народе, как из благоговения перед Святым, так и из-за небывалости чуда и из-за мира с волком, что все начали восклицать, обращаясь к небу, хваля и благословляя Бога, пославшего им святого Франциска, заслугами которого они были избавлены от пасти жестокого зверя. И после этого упомянутый волк прожил в Губбио два года и, как ручной, ходил по домам от двери к двери, не причиняя зла никому и не получая его ни от кого; и люди любезно кормили его; и, когда он проходил по городу мимо домов, никогда ни одна собака на него не лаяла. В конце концов, два года спустя брат волк умер от старости; горожане сильно скорбели об этом, потому что, видя его у себя таким ручным, они лучше вспоминали про добродетель и святость святого Франциска¹⁰.

¹⁰ Цветочки святого Франциска Ассизского. С. 67-71.

Урок губбийскому волку. Таков, во всяком случае, первый адресат этого урока-чуда. Посмотрим, как этот урок организуется.

Диспозиция представленной здесь педагогики такая, что предполагает прежде всего выход учителя в класс, в коем аудитория - природа, живая природа, в лице ее свирепейшего представителя - волка из города Губбио. Один на один с Природой. Но, прежде чем начать учительски воспитующую проповедь, Франциск до начала осеняет себя "знамением святого креста". Ритуальное предварение, должное обеспечить успех дела, заведомо претендующего быть чудом для горожан, "сошедшихся поглядеть на это чудо". Претендующее быть чудом и потому быть однократным, единственным, невоспроизводимым. Урок этот, конечно, станет передаваться из уст в уста, но лишь в качестве примера, воспроизвести который больше никому и никогда не дано. Научение примером; примерной жизнью. Так сказать, "добрым молодцам урок". И потому скорее нравоучение, нежели урок в ученом его осуществлении.

Волк пока еще не знает, что он ученик Франциска и поступает вполне по-волчьи: идет на Франциска "с разинутой пастью". И... вновь ритуальное действие: Франциск теперь уже осеняет волка "знамением креста". Два знамения - вокруг себя и вокруг волка. Как два звонка, возвещающие действительное начало урока "средневековых нравов". Можно и в самом деле начинать...

Первую увещательную тираду Франциска, обращенную к волку из Губбио, вы помните. Волк как творение божье признан в некотором смысле... человеком (тоже божьим творением), с коим не только можно, но и должно вести поучающие беседы: волк, как и человек, достоин мук ада, он - разбойник, убивающий людей, "созданных по образу божью", и прочее, и прочее. Волк как... человек, но только злой и разбойный человек. И потому вполне может быть выученным, а человек (Франциск) может его научить. Чудо с первых же слов проповеди Франциска снято, но до конца остается чудом для всех тех, кто - весь слух и внимание; для потрясенных губбийских горожан.

Вместе с тем хоть душою этот волк - человек, но видом волк - во всех своих волчьих, точнейшим образом отмеченных, повадках; во всей своей наиподробнейшей и наиконкретнейшей природно волчьей уникальности, ни с чем не сливающейся определенности - эмпирически данной самооценности: волк закрыл пасть, прекратил бег, кротко подошел, пал к ногам, остался лежать... Ягненок с волчьими повадками. Или: волк, как если бы его душа стала душою ягненка.